

С развитием технологий в современном мире смысл сказанного уже становится не важным, а важным становится «общение ради самого общения» [5, 21]. Данный феномен связан с отсутствием четких ценностных установок у общающихся, происходит как бы производство и потребление информации без затрагивания мыслительных процессов, что является обычным для общества потребления, стремящемуся стать информационным, — когда станет приоритетно «потребление» не столько вещей материального мира, но «потребление» виртуальной реальности.

Коммуникация безотносительно от ее содержательной стороны становится сегодня ценностью сама по себе. Она становится средством эгоистического самолюбования, замкнутости говорящего на себе самом [5, 22].

Такая самозамкнутость работника предприятия или организации ведет к неясному и нечеткому выражению управленческих решений, и с другой стороны — к недопониманию работником требований руководства. Если приложить слова Святейшего Патриарха Кирилла к процессу коммуникации, то можно сказать что Бог должен стать центром жизни для человека, человек должен увидеть Бога к каждом моменте жизни, в каждом действии [4, 285]. По мнению Святейшего Патриарха Кирилла личная жизнь или любая внешняя деятельность достигает своего расцвета только тогда, когда человеческие усилия сочетаются с Божией благодатью [4, 288]. То же самое можно и применить в рамках управленческой коммуникации — должно быть памятование о Боге во всех решениях и действиях.

1. Библия на церковнославянском, русском, греческом, еврейском, латинском, английском и др. языках. Доступ 23.12.2019 г. <https://azbyka.ru/biblia/>
2. Кривоко́ра, Е.И. Деловые коммуникации: Учеб. пособие / Е.И. Кривоко́ра. Москва, 2013. — 190 с.
3. Слово Божье о богатстве материальном и духовном. С. Лукин сост. / Братство в честь святого Архистратига Михаила ; сост. С.В. Лукин. — Минск, 2012. — 295 с.
4. Храните веру в сердцах: Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / сост. А.В. Велько. — Минск: Издательство Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви, 2011. — 528 с.
5. Christophe Levalois Prendre soin de l'autre. Paris, 2012 — 160 с.

Рязанов Виктор Тимофеевич

д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Экономика и национальная культура: особенности институциональной взаимосвязи

Культура — понятие многогранное и имеющее множество определений. С точки зрения целей экономического анализа культуру можно трактовать как накопленный и передаваемый из поколения в поколение опыт взаимодействия между людьми. Применительно к экономике такой опыт связан в первую очередь с социально-хозяйственной деятельностью. Соответственно его можно выразить в виде взаимосвязанной системы базовых

ценностей, норм поведения, особенностей менталитета и т.п., т.е. все то, что характеризует институциональное взаимодействие.

Важной чертой культуры является то, что она не является одномерной. В своем обобщенном виде она предстает как национальная культура, характеризующая опыт организации совместной жизнедеятельности конкретного этноса. Но этим не исключается в ее составе наличие различающихся культурных типов (полей), свойственных определенным социальным (социально-демографическим) или профессиональным группам людей, а также национальным образованиям в многонациональном государстве. Поэтому роль культурологического фактора различается в зависимости от уровня своего проявления. Применительно к конкретному индивиду его содержание определяется семьей, школой, личным опытом и т.п. Если же речь идет о национальной культуре, то ее базовые характеристики обусловлены географической средой и исторической традицией, внешним окружением и наличием ресурсов и т.п. Иначе говоря, можно разграничивать действие институциональных факторов на микро— и макроуровнях.

Что собой представляет роль национальной культуры как института в экономике?

Сегодня ее важность в хозяйственной жизни признается фактически всеми научными школами, хотя она и неодинаково оценивается. Можно даже уверенно утверждать о возникновении своего рода «культурологического детерминизма» в объяснении причин удач и неудач в экономическом развитии, особенно имея в виду происходящие трансформационные процессы в мире. Тем не менее сам характер взаимосвязи экономики и культуры требует продолжения исследования как с точки зрения общей теории, так и применительно к конкретным странам. При этом неоднозначны ответы на такие исходные вопросы: что в этой взаимосвязи является первичным? Насколько непосредственны или опосредованы каналы взаимодействия между ними?

В этой связи обратим внимание на исторически изменчивый характер взаимосвязи экономики и культуры в процессе хозяйственного развития. Изначально в традиционных обществах само хозяйство как организация домашнего хозяйства существовало в неразрывном единстве с культурой. И это была культура семьи и общины, т.е. культура локального сообщества людей, в рамках которой осуществлялась хозяйственная деятельность.

С переходом к рыночной экономике и особенно с формированием национальных государств с их внутренней организацией рыночного хозяйства экономика отделилась от культуры и обособилась в качестве относительно самостоятельной сферы жизнедеятельности общества. В этом случае параллельно формирующиеся национальные типы культур выступили в качестве важного канала возникновения национальных типов хозяйственных систем. При этом органичность их взаимосвязи в значительной мере предопределяла успешность рыночных преобразований и гармоничность развития. По-

этому взаимосвязь экономики и культуры следует трактовать в качестве соотношения общего и особенного в хозяйственной деятельности.

На современном этапе, когда активно действовала тенденция глобализации с переходом к «позднему (постмодернистскому) капитализму», можно было наблюдать попытку «вторичного смещения» экономики и культуры посредством поглощения экономикой национальных культур. Экономика и культура опять пытались «слиться» в единое целое, что самым наглядным образом предстает в общемировой универсализации потребительских предпочтений и в победном шествии мировых брендов. Можно считать, что сложившаяся ранее устойчивая и воспроизводимая взаимосвязь экономики и национальных культур замещается «культом рынка».

Отсюда можно сделать вывод о том, что в условиях позднего капитализма возникло и непрерывно углубляется противоречие «культуры рынка», за которым скрывается универсальная логика рынка и капитала, с исторически сложившимися национальными экономическими культурами, которые сохраняют сохраняющееся многообразие мира и хозяйственной деятельности. По существу «культуры рынка» — это зрелая форма универсальной буржуазной культуры. Поэтому ранее обозначенное противоречие вписывается в общую систему противоречий капитализма как такового. Причем есть основания считать, что это противоречие по многим параметрам становится более значимым в период зрелого капитализма в сравнении с противоречием между трудом и капиталом в условиях раннего капитализма.

В каких важнейших формах проявляется противоречие универсальной буржуазной культуры с национальной культурой?

Во-первых, идеал глобального рынка как рынка без границ сталкивается с сохраняющейся государственно-политической фрагментарностью глобального экономического пространства. Чаще всего разрешение этого основного противоречия глобально перестраиваемого мира связывают с созданием мирового правительства или, во всяком случае, с выдвиганием на передний план наднациональных управляющих центров. Однако у этого противоречия есть более значимые и глубокие основания, обусловленные сохранением культурно-цивилизационного кода в мирохозяйственном устройстве. Даже в угнетенном состоянии его наличие ограничивает возможность достижения всеобщей универсализации и гомогенности хозяйственной деятельности. Отсюда наблюдаемый взрыв этничности в разных зонах мирового сообщества, обострение межцивилизационных противоречий, проблемы глобальной бедности, острых конфликтов.

Во-вторых, еще одним противоречием рынка и культуры стал наблюдаемый ныне острый кризис идеологии мультикультурализма в развитых капиталистических странах. Надежда на то, что с помощью экономических и правовых мер удастся снять проблему национальных различий, устранив барьеры во взаимодействии, и в конечном счете добиться национального единения, не оправдалась. Западный мир попал в ситуацию туника мультикультуризма.

Все это свидетельствует о том, что роль национальной культуры для экономики останется в числе ключевых. В свою очередь, возникающее на этой основе многообразие национальных хозяйственных систем должно оцениваться как необходимое условие реализации потенциала развития мировой экономики.

Севостьянова Надежда Григорьевна

кандидат философских наук, доцент, доцент Минского государственного лингвистического университета

Христианское понимание смысла жизни в русской религиозной философии

«Смысл жизни — в ее утвержденности в вечном» [6, 205]. Это высказывание русского христианского мыслителя Семена Людвиговича Франка (1877 — 1950) представляет собой наиболее значимый ответ на вопрос о духовной сути смысла жизни человека, который в условиях эмпирического бытия прикасается к вечности через веру, любовь, знание, солидарность, справедливость, служение. Учение С. Л. Франка о непостижимом сложилось в условиях вынужденной эмиграции из советской России и находится в прямой взаимосвязи с учениями многих христианских мыслителей русского зарубежья, последователей философской школы «метафизика всеединства», основанной В. С. Соловьевым.

В программной метафизике всеединства и в «нравственной философии» В. С. Соловьева тема смысла жизни является предметом специального исследования и рассматривается в зависимости от тем совершенного добра, триединой любви и совершенствования. «Наша жизнь получает нравственный смысл и достоинство, когда между нею и совершенным добром устанавливается связь» [5, 543], — отмечает мыслитель. «Смысл жизни заключается в ее добре». Этот «добрый смысл жизни» человека представляют также «твердыни и устои жизни» — семья, отечество, Церковь.

В философской христианской апологетике Е. Н. Трубецкого проводится идея антиномизма сущего и констатируется принципиальная невозможность достижения истинно-сущего из действительности сущего становящегося. Поэтому смысл жизни усматривается философом не в вертикальном и не в горизонтальном направлениях, отдельно взятых, а в их пересечении, в кресте, в совестливом и свободном самоопределении и стремлении к неосуществимой идеальной полноте жизни в свете реальности Боговоплощения. В философии триединства Л. П. Карсавина устанавливается относительное всеединство тварного бытия и констатируется возможность обретения человеком смысла жизни в ходе освобождения от грехов и стремления к духовной любви. Конкретная метафизика П. А. Флоренского с ее центральной идеей единосущия Бога и мира дедуцирует человека из высших определений его существа и в рамках теoантропoдигнoзиса. В православном универсализме С. Н. Булгакова рассматривается смысложизненная мистика спасения